СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Щебень. «Опять об Пушкина». Предисловие 6

От автора 11

Общество мертвых поэтов: тень Пушкина
и спиритическая поэзия второй половины XIX века 12

«Байроновский парадокс»: психологический портрет
как историко-культурная проблема 60

Остроумие Пушкина,
или Самая фрейдовская шутка поэта 75

Дракул руссул: апокрифический каламбур А. С. Пушкина
и молдавское национальное возрождение 85

«Прием Гавриила» и американское
эротическое воображение 105

Пушкин в Софийском соборе:
Из истории «киевского мифа» в русской литературе 144

Царская милость и советская пакость:
Дело о «Гавриилиаде» и процесс
А. Синявского и Ю. Даниэля 177

Фальшивый песнопевец:
история одной поэтической ошибки 204

«Самостоянья щит»:
был ли Пушкин национал-словотворцем? 267

Чечерейцы и камукинцы: каталог горских народов
в этнологическом воображении русского романтизма . . . 284

Вместо эпилога. Прогулки с Набушкиным: обыкновенные
приключения американского пушкиниста в Ленинграде . 328

Указатель имен 364

ОБЩЕСТВО МЕРТВЫХ ПОЭТОВ

ТЕНЬ ПУШКИНА И СПИРИТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[1]

Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

Ф. М. Достоевский. Пушкин[2]

…на круглом столе появилась другая рука, худенькая и красивая, схватила карандаш, вырвала лист из альбома, лежавшего близь лампы, легким почерком написала на нем несколько строк, сделала росчерк и поднесла бумагу под самый нос Букашкину. Затем листок был прочтен, повторен сызнова и обошел всех присутствовавших поочередно:

«*Собрату Букашкину*
От сердца, друг, тебя я поздравляю
С днем просветленья твоего:
Вас всех я в небе прославляю
Пера движеньем моего.
Прийми ж сие ты сочиненье,

---

[1] Переработанный вариант главы из книги *Vinitsky I.* Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 57–86.

[2] Речь Ф. М. Достоевского (Произнесена 8-го Июня в торжественном заседании Общества Любителей Российской Словесности) // Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции; Адресы, телеграммы, приветствия, речи; Чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину; Отзывы печати о значении Пушкинского торжества; Пушкинская выставка в Москве; Новыя данныя о Пушкине. СПб., 1880. С. 258.

За гробом все поэты суть друзья:
Мы здесь живем без огорченья,
Но лира нам мила твоя.
Александр Пушкин.
Планета Сатурн, октябрь 18** года»
А. В. Дружинин. Рассказ, перед которым все вымыслы — прах и ничтожество (1861)[1]

Вступление

В конце прошлого века культурная значимость призраков и фантомов была осознана учеными самых разных направлений. «Диалог с привидением», начатый Жаком Деррида в «Призраках Маркса» (1993), стал модным жанром, отвечающим постмодернистским задачам. Как справедливо заметила Хелен Суорд, подобно литературным медиумам модернистской эпохи, современные ученые стремятся к тому, чтобы представить себя незаменяемыми «посланниками и толкователями голосов отдаленного „другого мира“ — литературы, подсознательного, прошлого»[2]. Привидения, подчеркивает исследовательница, становятся герменевтическими сущностями (hermeneutic entities) как этимологически («подобно Гермесу, богу-посланнику в древнегреческой мифологии, они обладают особой возможностью проходить между мирами живых и мертвых»), так и практически — ибо все призраки требуют интерпретации[3]. Попыткой «выслушать» и интерпретировать привидение (в нашем случае особое привидение — общенационального и культурно-имперского масштаба) является и предлагаемая работа. В ней мы рискнули обратиться к группе текстов, которые весьма сложно — но можно и интересно — воспринимать серьезно. Речь идет о «литературных произведениях», полученных на спиритических сеансах во второй половине XIX века и приписываемых медиумами духам умерших писателей. Осмеянные

[1] *Дружинин А. В.* Собр. соч. Т. 8. СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1867. С. 631–632.

[2] *Sword H.* Ghostwriting Modernism. Ithaca: Cornell University Press, 2002. P. 165.

[3] Ibid.

юмористами, эти медиумические опусы пользовались большой популярностью среди сочувственников спиритизма.

«Спиритическая поэзия» представляется нам не как литературный курьез, но как особый тип литературы, обнажающий механизм бытования «мертвого автора» в русской культуре второй половины XIX века — культуре, находящейся в постоянном, часто навязчивом «сообщении» с властителями дум и душ миновавших эпох, постоянно озабоченной вопросом, который можно по справедливости назвать главным латентным вопросом русской интеллигенции: *кого слушать? кому верить*? — и ищущей ответа у великих теней, откликающихся, как солдаты на поверке.

В центре моего внимания будут «загробные стихотворения», полученные на спиритических сеансах от А. С. Пушкина (1799–1837) — главного национального призрака русской культуры. Я полагаю, что эти странные произведения обнажают механизм формирования мифа о Пушкине как *откликающейся на призывы современников тени*[1], оформившегося в русской популярной культуре в реалистическую эпоху и актуального для русского культурного сознания и по сей день[2].

---

[1] В качестве рабочего определения мифа мы используем бартовское: «миф — это слово, избранное историей», «это может быть письмо или изображение» (*Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 73). Соответственно, материалом нашего исследования являются как письменные, так и изобразительные тексты, эксплуатирующие образ или тему материализовавшейся тени Пушкина: стихотворения, критические статьи, воспоминания, легенды, рисунки, портреты и т. п.

[2] Истории мифа о пушкинском «бессмертии» посвящена книга: *Sandler S.* Commemorating Pushkin. Russia's Myth of a National Poet (2004). В настоящей главе нас интересует не то, как создавался миф о Пушкине и как он преломлялся в индивидуальном сознании и творчестве разных авторов (Ахматова, Цветаева, Синявский, Битов и т. д.), но как и почему «Пушкин» работал и работает «на общество». В этом отличие нашего подхода от классических работ о «тени Пушкина», рассматривающих спиритуалистические воззрения самого поэта (М. Гершензон, «Тень Пушкина» (1923); Б. Гаспаров, «Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка» (1992), С. Сендерович, On Pushkin's Mythology: The Shade-Myth (1980).

«Посмертное авторство» как культурный феномен

Изобретение в начале 1850-х годов планшетки (столика с двумя ножками и карандашом вместо третьей) открыло «новый мир» для искателей контакта с душами. Этот мир был не только миром живым, населенным, но и миром слышащим и говорящим, свидетельствующим о самом себе и поучающим посредством «разумных» стуков и письменных ответов живущих. Духи говорили на разных языках, включая древние и инопланетные, сообщали спиритам о тайнах мироздания и делах давно минувших дней, предсказывали будущее, давали частные советы, выписывали лекарства больным и диктовали целые религиозно-мистические доктрины[1]. Особое место в спиритической продукции второй половины XIX века занимали послания от великих людей, «властителей дум» прежних эпох — отцов церкви, философов, исторических деятелей, наконец, писателей. В 1850–1900-е годы литературные произведения, полученные от «духов» известных авторов с помощью столов, планшеток, обыкновенных блюдечек, погружения медиума в транс или безо всякого посредничества, прямо от покойников[2], печатались в книгах и журналах и живо обсуждались в обществе. Своеобразная «антология загробной классики» на Западе

---

[1] Спиритическое движение, разумеется, не было однородным и эволюционировало во времени. В настоящей статье мы останавливаемся лишь на общих идеях спиритизма в отношении «загробного» творчества. История английского и американского спиритических движений наиболее полно отражена в книгах: *Oppenheim J.* The Other World. Spiritualism and Psychical Research in England, 1850–1914. Cambridge University Press, Cambridge 1985; *Herr H.* Mediums, and Spirit-Rappers, and Rotating Radicals. Spiritualism in American Literature, 1850–1900. Urbana: University of Illinois Press, 1972. О феномене «посмертной литературы» см. новаторскую статью: *Sword H.* Necrobibliography: Books in the Spirit World // Modern Language Quarterly (MLQ). 1999. Vol. 60. № 1. P. 85–112 (вошла в ее книгу Ghostwriting Modernism, 2002).

[2] Например, в середине позапрошлого века известный немецкий спирит Л. фон Гильденштуббе клал чистые листы бумаги и карандаш «под могильные памятники, на гробницы, мавзолеи» и просто в темные места и «таким образом получал, по его уверению, начертания потусторонних деятелей собственными автографами» (*Быков В.* Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914. С. 107).

включала сочинения, переданные духами Гомера, Вергилия, Данте, Петрарки, Боккаччо, Мильтона, Шекспира, Драйдена, Байрона, Корнеля, Шатобриана, Гёте, Эдгара Аллана По, Саади и других корифеев мировой литературы.

В практике спиритизма подобные тексты призваны были выполнить прежде всего прикладную функцию: в эпоху безверия и материализма они служили авторитетными эмпирическими доказательствами существования загробной жизни. Между тем спиритуалистическая убедительность этих сообщений напрямую зависела от того, насколько точно они отвечали представлениям читателей о «духе и стиле» прижизненных произведений опрошенных авторов. Выбор последних обусловливался, как правило, их значимостью для национальной (и мировой) литературы, наличием «духовной» темы в их творчестве и некоторыми фактами из их «биографических мифов», имевшими непосредственное отношение к спиритистской проблематике: ранняя кончина, несправедливое отношение современников при жизни, не законченное при жизни дело, таинственные обстоятельства смерти и т. п. Необходим был лишь очень чуткий приемник подобных произведений-сообщений, то есть талантливый медиум. В свою очередь, рядовые участники сеанса выступали как свидетели подлинности полученного «оттуда» произведения, то есть как своего рода научный консилиум, постулирующий на основании эмпирических наблюдений истинность (или сомнительность) явления[1]. «Спиритизм, — говорилось в воззвании американских спиритов „ко всем народам зем-

[1] О методах атрибуции медиумических текстов, «пародирующих» текстологическую науку того времени, см., в частности: *Аксаков А. Н.* Анимизм и спиритизм. СПб., 1901. С. 351–354. Теоретики спиритизма признавали возможность ложных сообщений, литературного самозванства и просто розыгрыша со стороны духов. «Опытный спиритуалист, — читаем в одном из первых русских спиритических романов, — способный анализировать добываемые им факты, никак не будет искать в сообщениях духов непогрешимые истины для своих религиозных или каких бы то ни было воззрений, а отнесется к ним так же критически, как и ко всему, имеющему не абсолютное происхождение» (*Прибытков В. И.* Легенда старого баронского замка. Не быль и не сказка. СПб., 1883. С. 44). Тем не менее практика спиритизма показывает, что полученные тексты чаще всего воспринимались как носители абсолютных истин.

ного шара“ (1865), — *есть религия и вместе с тем философия, основанная на фактах*»[1]. С историко-культурной точки зрения спиритическое письмо — парадоксальный феномен позитивистской эпохи[2], одержимой, как показывают многочисленные исследования, начиная с «Призраков Маркса» Деррида, бесчисленными призраками.

Возможность получения художественных произведений с того света теоретически объяснялась спиритами тем, что, будучи продуктом душевной (психической) деятельности индивидуума, они вполне могут производиться душою писателя (или его «посмертной энергией») и после его физической смерти[3]. О том, что поэзия существует и в загробном мире, писал еще Сведенборг, подчеркивая, однако, что это поэзия на особом, высшем языке, не доступном ни пониманию, ни даже восприятию людей. В то же время Сведенборг допускал возможность духов сообщаться с людьми на их земных наречиях: в случае такой коммуникации духовный язык преломляется в сознании смертного, как бы материализуется («одевается») в «физическую» форму. Спириты, наследники Сведенборга, превратили это допущение в регулярную практику и заменили эзотерический опыт массовым производством. Получалось, что духи диктуют произведения на нашем (их бывшем) несовершенном языке (косвенно этот тезис оправдывал графоманский характер абсолютного большинства посланий), но эти произведения отражают новый, более высокий, духовный, статус покойных авторов. Отсюда медиумические тексты оказываются в высшей

---

[1] Цит. по: *Лесевич В.* Модное суеверие («Что такое спиритизм и его явления?») А. Сумарокова. СПб., 1871 // Отечественные записки. 1871. № 12. С. 194; курсив мой. — *И. В.*

[2] *Страхов Н. Н.* Три письма о спиритизме. Гражданин 1876. № 41–44. Ср. удачное (по своей, кажется, непроизвольной двусмысленности) определение спиритизма как *материализованного спиритуализма* в: *Волгин И. Л., Рабинович В. Л.* Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог // Вопросы философии. 1971. № 11. С. 113.

[3] В манифесте американских спиритов, принятом на филадельфийском конгрессе 1865 года, говорилось, что духи после смерти не удаляются «с поприща своей деятельности» (*Лесевич В.* Модное суеверие. С. 194).

степени — дистиллированно! — спиритуальны, то есть свободны от свойственных творчеству данного автора при его жизни материалистических «пятен» и «заблуждений». Каждый такой текст предполагался как последнее, итоговое, суммированное суждение автора о себе и оставленном мире[1].

В итоге получалось, что, хотя Шекспир писал оттуда «по-шекспировски», Байрон — «по-байроновски», а Шатобриан — «по-шатобриански», медиумические опросы писателей сливались в своего рода коллективный психологический (или пневматологический) портрет счастливого мертвого автора, отличительными чертами которого являлись покой, прощение обид, отрешение от всего земного, сочувствие к тем, кто еще не перешагнул черты, отделяющей земной мир от духовного, восхваление красот загробного мира. Сравните, например, «посмертные» стихи Эдгара Аллана По, переданные через посредство известного американского медиума Лиззи Доутен (стихотворение, «отменяющее» знаменитый Raven, называется Resurrexi):

From the throne of Life Eternal,
From the home of love supernal,
Where the angel feet make music over all the starry floor —
Mortals, I have come to meet you,
Come with words of peace to greet you,
And to tell you of the glory that is mine forevermore[2].

Можно сказать, что в спиритистской мифологии писатель-покойник играл роль счастливого эмигранта, пишущего восторженные послания-призывы задержавшимся соотечественникам:

Могу и я поведать миру
О том блаженстве душ земных,

[1] Разумеется, и деисты, и убежденные атеисты, и просто скептики, вызванные спиритами, раскаивались в своих прежних взглядах и подтверждали правоту верований спиритов. Ответами таких раскаявшихся авторов (например, Вольтера, якобы подписавшего собственною рукою свое отречение от прежних антиклерикальных взглядов) в спиритистских кругах особенно дорожили.

[2] *Doten L.* Poems from the Inner Life. Boston, 1868. P. 104–105.

Что уготовано для них
В мирах иных[1].

Приведем в качестве иллюстрации к этой «загробной поэтологии» сообщение, полученное спириткой Олимпией Одуар (ее книга была переведена на русский язык в 1875 году). Госпожа Одуар установила прочный медиумический контакт с духом Александра Дюма (покойный интересовался спиритизмом), который, в свою очередь, помог ей выйти на самого Уильяма Шекспира. Последний в ответ на запрос о существовании в его времена спиритической секты (старинный спор шекспироведов) прислал следующее галантное письмо:

> Сударыня, меня чрезвычайно радует вернуться на землю, чтоб послужить утверждению верования, которое было главным утешением моей столь беспокойной жизни. Да, я был спирит <…> Надежда, что мои творения могут послужить нравственной поддержкой спиритизму, возбудила во мне сильнейшую радость. Если бы вы вызвали меня ранее, то я счел бы своим долгом явиться на ваш призыв, потому что для меня всякий спирит брат <…> Если вы скажете мне, что вы недостаточно знамениты, чтобы осмелиться вызвать такого великого писателя, то я отвечу вам, сударыня, что вы оскорбляете меня, думая, что я горжусь своими произведениями. Это только человеческие произведения, и здесь они ценятся очень низко. В наших областях гений, который мы зовем величием души, может быть свойствен только очистившимся душам, для нас не имеет значения их большая или меньшая земная известность. Сколько ученых, сколько знаменитых людей, с которыми мне было бы неприятно вступить в сообщение fuitique! Но сколько, напротив, простых и неизвестных смертных, к которым бы я с радостью явился, чтобы сообщить истины о настоящей жизни — о той, которую вы называете *загробной* жизнью.

Далее Шекспир (его дух) сообщает, что действительно в Англии его времени была секта спиритов, к которой он

[1] *С. А.* Живые речи отживших людей. СПб., 1905. С. 131.

принадлежал. Столами тогда не пользовались, но имели «свои вдохновения» и могли «заставлять являться духов, подобно медиуму Вилльямсу». Рассказав о своих вдохновениях и видениях, Шекспир (его дух) заключает:

> Поверьте мне, сестра моя по спиритизму, что я с радостью буду являться, оказывать свою поддержку спиритизму. Мой мозг не отуманен более парами земной славы, и я часто говорю себе с чувством горечи: «Шекспира прославляют гением, но никто не думает помолиться о его душе!» Мое самолюбие перестало существовать, но моя душа — живет и страдает.
>
> *Вилльям Шекспир* [sic!][1].

Где же находятся покойные авторы? Откуда они приходят к нам? Почему настроены столь демократично по отношению к любопытствующим смертным? «Элизиум поэтов» — образ, популярный в неоклассической и романтической поэзии, — превращается у спиритов в своеобразную службу по вызову, то есть теряет автономию, прикрепляется к земной жизни, обслуживает ее интересы. Спиритические послания — тексты, как не раз отмечалось, слабые, скучные и предсказуемые — насквозь идеологичны и остро социальны. В них реализуется характерное для тенденциозного XIX века стремление найти последнее и окончательное подтверждение отстаиваемой идеологии, с позиции абсолютного авторитета, находящегося в том гносеологическом парадизе, где все тайны разрешены и все земные тенденции завершены. Не случайно многие реформаторы на Западе практиковали спиритизм: аболиционисты и суфражистки, социалисты и религиозные новаторы.

Спиритическое стихотворение как жанр

Очевидно, что жанровая природа «медиумических» произведений специфична: они как бы находятся между литературой и мистикой, верой (или суеверием) и наукой, мистификацией

[1] *Одуар О.* Спиритизм / Пер. с франц. СПб., 1875. С. 131–134.

и мифом, посланием и эпитафией. В отличие от старинных «разговоров в царстве мертвых» и аллегорических монологов умерших гениев, популярных в классицистической и романтической традициях («Тень Мольера», «Тень Байрона» и т. п.), медиумические тексты претендуют на реальность, аутентичность сообщений покойников. В свою очередь, от видений-откровений, культивировавшихся у мистиков всех времен и народов, «посмертные» произведения отличаются тем, что вовсе не являются эзотерическими и сверхъестественными, но производятся на сеансах при свидетелях с помощью научно-эмпирических методов и, как правило, не открывают тайну, а лишь подтверждают то, во что верят или хотят уверовать участники сеанса. Получение медиумического произведения всегда маленький спектакль, со своим сценарием, антуражем и, конечно, неизменным явлением драматического призрака, — (псевдо)научный миракль, где зрители одновременно и актеры[1], а действие происходит на границе физического и духовного миров.

Это не обычная мистификация, конструирующая образ подделываемого автора в границах возможного и пытающаяся ввести в заблуждение публику. «Медиумические» произведения переступают настоящую границу, конструируя *посмертный* образ *подделываемого* автора (отсюда их можно назвать мистификацией в квадрате), и переводят частный вопрос об атрибуции текста в разряд онтологических, бытийственных.

Несомненна генетическая связь описываемого нами феномена с категориями «мнимой поэзии» и «мнимых поэтов», привлекавшими в свое время пристальное внимание Ю. Н. Тынянова. Так, в конспекте предисловия к сборнику «Мнимая поэзия» (1931) Тынянов неосознанно заимствует спиритическую терминологию: «[я]вление мнимого поэта»; «отражение, тень от языка — мнимая поэзия»; «есть поэты, в которых воплотится ваше представление»;

[1] Драматургическую природу сеансов хорошо почувствовал Лев Толстой, спародировавший собрание спиритов в пьесе «Плоды просвещения» (1886–1890).

наконец, «вымышленные, отраженные поэты становятся реальностью»[1]. То, о чем писал исследователь, на самом деле уже *свершилось* в спиритической практике, материализовавшей литературные представления современников (нас здесь интересует механизм, а не содержание подобной материализации). «Меньше всего, — признавался в том же конспекте Тынянов, — я способен отрицать значение мнимых величин в литературе»[2]. Спиритическая продукция принадлежит к ряду таких мнимых величин, значимых для понимания глубинных пластов общественного осознания литературы.

Разумеется (если мы не спириты), полученные сообщения из другого мира свидетельствуют не о загробном бытии и мнениях их «авторов», а о том, как последних воспринимают или хотят воспринимать участники сеансов — то есть читатели и сочувственники вызываемых писателей[3]. Если бы подобный эксперимент был доведен до логического предела (то есть были бы опрошены все сколько-нибудь значительные авторы), мы бы имели своего рода мифологический дубликат «реальной» литературы, или, если хотите, особую *теневую литературу*, отвечающую читательским запросам и ожиданиям. В утопической (точнее, дистопической) перспективе такая теневая литература отменила бы «реальную» литературу вообще (и прошлую, и современную) как несовершенную (известная притча о тени, заменяющей своего носителя). Вообще, как справедливо замечает Хелен Суорд,

> на более приземленном уровне <…> потусторонние тексты подрывают сам институт авторства — законодательство об авторском

[1] *Тынянов Ю. Н.* Мнимый Пушкин // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 537–538. Показателен в этой связи интерес Тынянова к «пародической личности» Козьмы Пруткова — самого знаменитого русского литературного фантома.

[2] Там же.

[3] На это постоянно указывали противники спиритизма. Ср.: «…духи являются католиками в Риме, англиканами в Лондоне и Нью-Йорке, свободными мыслителями в Париже, схизматиками в Петербурге. <…> То же разноречие, когда их спрашивают их мнение по социальным вопросам» (цит. по: *Аксаков А. Н.* Позитивизм в области спиритизма. По поводу книги А. Дассьэ «О посмертном человечестве». СПб., 1884. С. 59).

праве, библиографические конвенции, культ Великого Писателя, — к которым образованные медиумы так рьяно стремились примазаться.

Чтение этих загробных произведений подряд вело к «своего рода метафизическому головокружению» (a kind of metaphysical vertigo)[1].

Успех литературного столописания, видимо, был связан с тем, что оно предоставляло читателю уникальную возможность стать не только автором любимого автора, но и, так сказать, распорядителем, хозяином его души (дух, писал Д. И. Менделеев, «может говорить только то, что знакомо или мыслимо медиумам, словом, по гипотезе спиритов, дух становится рабом медиума»[2]). Спириты, конечно, не могли согласиться с подобным суждением[3], но, как бы то ни было, за этикетной скромностью медиумов и научной (позитивистской) корректностью участников сеансов в самом деле стояли нешуточные эгоизм и гордыня (спиритические кружки в той или иной степени осознавались их участниками как собрания избранных).

Замечательно также, что феномен «посмертного» авторства мотивируется самой спецификой обыденного восприятия литературного текста, при котором «лирический герой»

---

[1] *Sword H.* Ghostwriting Modernism. P. 12–13.

[2] *Менделеев Д. И.* Материалы для суждения о спиритизме. СПб., 1876. С. 326.

[3] Контраргументом были ссылки на случаи, когда способности и культурный горизонт медиумов не соответствовали уровню и особенностям полученных ими произведений. Наиболее популярный в спиритистских кругах пример — история о том, как в начале 1870-х годов «дух» Диккенса продиктовал одному малообразованному, но талантливому американскому механику-медиуму завершение незаконченного романа «Тайна Эдвина Друда». Этот случай медиумического «сообщения», содержание которого «выше умственного уровня» медиума, привлек к себе внимание крупнейшего теоретика спиритизма А. Н. Аксакова (*Аксаков А. Н.* Анимизм и спиритизм. М., 1901. С. 351 и далее). Последний упоминает в своем капитальном труде о спиритизме и вышедшую в Лондоне в 1885 году книгу Essays from the Unseen, включающую сообщения, полученные медиумическим путем от разных исторических лиц, философов, поэтов и богословов (глава «Сообщения, коих содержание выше умственного уровня медиума»).

произведения, идентифицируемый с «биографическим» автором, предстает как своего рода вещающее привидение: его физически нет перед читателем, но духовно он общается с ним посредством своего произведения (перед нами своеобразная *формула бессмертия* — по крайней мере, духовного существования поэта до того момента, пока в подлунном мире жив будет хоть один читатель)[1]. В известном смысле медиумическое стихотворение есть реализованная метафора такого наивного прочтения авторского текста, или — в терминах античной риторики — реализованная просопопея: риторический прием, заставляющий говорить того, кто отсутствует, и лежащий, по словам С. Гринблатта, в основе всего спиритуализма (the rhetorical device that lies behind all haunting[2]). Ср. со спиритической практикой второй половины XIX века школьные упражнения в этом жанре, известные в античности: написание литературного текста от лица умершего исторического деятеля или мифологического героя, реконструирующее характер имитируемого[3].

В этой связи представляется закономерным возникновение и распространение медиумической словесности в эпоху публикаторского бума, расцвета литературной критики и массового интереса к архивным изысканиям, *лавинообразного возвращения прошлого*; ср. многочисленные издания «посмертных» собраний сочинений, публикации новых биографических разысканий, факсимильных изображений авторских почерков, дискуссии об атрибуции новонайденных текстов, а также истории разнообразных литературных подделок.

Иными словами, спиритическая поэзия — следствие и яркое проявление произошедшей в середине века коренной

[1] Такая иллюзия особенно заметна в случаях ориентации поэтических систем на воссоздание личного авторского голоса и «поэтическую болтовню», адресованную воображаемому читателю (ср. постоянные обращения к читателю в произведениях Байрона и Пушкина).

[2] *Greenblatt S.* Hamlet in Purgatory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. P. 251.

[3] New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. by A. Preminger and T. V. F. Brogan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. P. 994.

перестройки отношений между автором и читательским сообществом, «секуляризации», демократизации и коммерциализации литературного процесса. Романтический автор как Бог или как медиум, устами которого движет Бог, умер и превратился в духа, целиком и полностью зависящего от *нового медиума* — будь то читателя, литературного критика или ученого, запрашивающего в связи с актуальными общественными проблемами и ожиданиями покойного и передающего обществу его «аутентичные» ответы. Перефразируя поэта, душа мертвого сочинителя в представлении спиритов должна была трудиться на благо общества и день и ночь. Эту *трансцендентальную гражданственность* и *всеотзывчивость* литераторов хорошо выражают стихи знаменитого литературного фантома Козьмы Пруткова из его послания с того света на родину:

> Пером я ревностно служил родному краю,
> Когда на свете жил… И кажется, давно ль?!
> И вот, мертвец, я вновь в ее судьбах играю —
> Роль[1].

Русская почта духов

В свете сказанного особый интерес представляет русская «почта духов» — одно из крайних выражений сложившегося в России во второй половине XIX века квазирелигиозного культа литературы и ее мэтров (особенно покойных авторов). С начала 1850-х годов вызов духов известных писателей и получение от них писем, стихотворений и даже романов становится одним из любимых занятий отечественных спиритов. Большинство таких текстов не вышло за пределы рукописных «канцелярий» спиритических кружков; тем не менее некоторые произведения были напечатаны и даже пользовались популярностью. В спиритистском журнале «Ребус», издававшемся с 1881 года, публиковались полученные в разных кружках «медиумические» стихи В. К. Тредиаковского, В. А. Жуковского, Д. В. Веневитинова,

[1] Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1976. С. 321.

А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Апухтина, П. И. Вейнберга, М. А. Лохвицкой и других писателей. В середине 1870-х годов (пик спиритического движения в России) получила известность рукопись второго тома «Мертвых душ», якобы продиктованного Гоголем с того света (на эту рукопись, как известно, ссылался Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год[1]). Почти каждый спиритический кружок, собиравшийся более или менее регулярно, имел своих духов-патронов (или контролей), среди которых было немало известных авторов. Показательно, что вослед за корифеями литературы свои тексты «надиктовывали» и покойные сочинители-дилетанты — графоманы, самозванцы и фигляры, вроде веселого духа Спиридона, постоянного собеседника А. Н. Аксакова[2]. Эстетическая иерархия как бы проецировалась в иной мир, получая при этом особое морально-идеологическое осмысление (в популярной спиритической мифологии Аллана Кардека духи-шутники — низшие существа). Наконец, заметную роль в спиритической продукции играли послания нераскаявшихся грешников, сообщавших лживую (в глазах спиритов) информацию о загробном мире, издевавшихся над благочестивыми верованиями участников сеансов. Естественно, такие послания интерпретировались как внушенные покойным авторам «духом зла, который владеет ими, до известной, указанной свыше границы»[3]. Перед нами своего рода эстетическая преисподняя загробной поэзии.

«Литературная» продукция русских столов не привлекала еще должного внимания исследователей. Между тем анализ спиритических посланий — этих явно недостоверных

---

[1] Загробные произведения от русских классиков получали и западные спириты. В 1936 году английский медиум Ида Кибл опубликовала продиктованные ей И. С. Тургеневым коммуникации со знаменитыми русскими покойниками — от композитора Бородина до Ленина, Николая II, барона Врангеля и Коллонтай; последняя тогда была еще жива, но, если верить медиуму, умерла и на том свете стала мужчиной! (*Keeble I. M. E.* Beyond Earth's Fears. Ipswich, England: W. E. Harrison, 1936)

[2] Ср. описание поэтической продукции этого духа в книге А. Н. Аксакова «Материалы для суждения об автоматическом письме (из личного опыта)» (СПб., 1899).

[3] *Вагнер Н. П.* Наблюдения над спиритизмом. СПб., 1902. С. 104.

с точки зрения литературоведа текстов — может быть, как писал Ю. М. Лотман о литературных мистификациях и подделках, «важным источником ценных сведений» о русской литературной мифологии и массовом культурном сознании второй половины XIX века[1].

К числу наиболее информативных в этом отношении произведений принадлежат, на наш взгляд, послания, атрибутируемые спиритами А. С. Пушкину: именно в культе этого поэта, строившего свою поэтику как «диалог» с читателем, русский литературоцентризм XIX века нашел наиболее полное национальное воплощение[2].

Загробный Пушкин

Столетнюю годовщину со дня рождения великого поэта журнал русских спиритов «Ребус» отметил публикацией небольшой заметки под названием «Загробное стихотворение Пушкина». Со ссылкой на «Воспоминания» сестры поэта О. С. Павлищевой, помещенные в «Историческом вестнике» 1880-х годов, «Ребус» привел следующее послание с того света, полученное Ольгой Сергеевной «на семейном спиритическом сеансе от имени покойного ее брата»:

Входя в небесные селенья,
Печалилась душа моя,
Что средь земного треволненья
Вас оставлял надолго я.

По-прежнему вы сердцу милы,
Но не земное я люблю.
И у престола Высшей силы
За вас, друзья мои, молю.
А. Пушкин[3]

[1] *Лотман Ю. М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя — Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 325.

[2] О родственном пушкинскому феномене «призрака Шекспира» в английской культуре см., в частности: *Sword H.* Ghostwriting Modernism. P. 49–57, 159.

[3] Ребус. 1899. № 22. С. 909.

Были известны и другие тексты Пушкина, якобы присланные им с того света. Так, осенью 1883 года тот же журнал русских спиритов «Ребус» опубликовал воспоминания г-жи Желиховской о ее сестре, знаменитой теософке Е. П. Блаватской, содержавшие рассказ о явлении тени Пушкина нижегородским спиритам в самом конце 1850-х годов. Призрак, вызванный медиумической волею Елены Петровны Блаватской, находился, как вспоминала свидетельница сеанса г-жа Желиховская,

> в меланхолическом и мрачном настроении духа и между прочим на вопросы наши, отчего он так печален? чем страдает? чего желает? <…> отвечал следующим экспромтом:
>
> Зачем, друзья мои, вам знать,
> Что я могу теперь желать?
> Покоиться на лоне смерти…
> Мне не достичь небесной тверди.
> Грешил я много на земле.
> И ныне мучусь в страшной мгле.
>
> — Бедный Александр Сергеевич! — сказал отец г-жи Блаватской, когда мы прочли ему это стихотворение…[1]

Приведенные медиумические стихотворения Пушкина выделяются на фоне подобных им «загробных» произведений других авторов. В отличие от своих, так сказать, «однозначных» собратий-призраков, тень Пушкина как бы раздваивается, сообщая диаметрально противоположные сведения о собственном положении за гробом. Так, своим родственникам и друзьям поэт является из небесной обители, а г-же Блаватской — из адской бездны. В первом случае Пушкин находится в состоянии чистейшего блаженства, во втором — глубокой меланхолии.

Совершенно очевидно, что приведенные свидетельства есть не что иное как своеобразная реализация метафорических «воззрений» на Пушкина, из которых, как говорил уже его первый биограф П. В. Анненков,

[1] Ребус. 1883. № 40. С. 1.

> одно представляет его прототипом демонической натуры, не признававшей ничего святого на земле, а другое, наоборот, переносит на него всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений, считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо…[1]

Спор о Пушкине, таким образом, спириты пытались решить с помощью вызова самого покойного поэта. Здесь выражается не только спиритистское стремление найти авторитетное подтверждение существованию духовного мира, но и определенный *культурный запрос*, характерный для русского самосознания, — необходимость быть в постоянном контакте с Пушкиным. Можно сказать, что «медиумические» стихотворения Пушкина находятся как бы на пересечении двух «мифологий», сформировавшихся приблизительно в одно и то же время (1850–1880-е годы): спиритистской (о душах умерших, приходящих по нашему вызову с вестями о загробном мире) и литературной (о поэтическом бессмертии Пушкина [тема Exegi monumentum], его необходимом присутствии в нашей культуре).

О «взаимообратимости» этих мифологий в названную эпоху свидетельствуют, в частности, и шуточные «загробные» эпиграммы, появившиеся вместе с письмом Пушкина «с того света» в юмористической «Стрекозе» за 1880 год. Приведем одну из них:

> Смерть для меня — таков, знать, русский быт —
> Двойной свой наложила отпечаток!
> Я пулею Дантеса был убит,
> А Исаковым — массой опечаток[2].

---

[1] *Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, 1799–1826 гг. СПб., 1874. С. VI. «Воззрения» о двойственной природе Пушкина вошли в национальный миф о поэте: так, в канун 200-летия Пушкина губернатор Аяцков предложил канонизировать поэта, а литератор Мадорский указал на «сатанинские зигзаги» последнего.

[2] Стрекоза. № 23. 1880. С. 6. Показательно, что вскоре в печати появилась уже «серьезная» (то есть претендующая на аутентичность) эпиграмма Пушкина «на Булгарина», полученная спиритическим путем: «Когда Булгарина Фаддея / Узнал я вдоль и поперек…». Стихотворение представляет собой «желчный ответ» Пушкина на запрос участников домашнего кружка генерал-лейтенанта В. И. Фелькнера: «Сообщи о разладе с Булгариным». Оно